

ТАКОЙ РАЗНЫЙ ЮНЫЙ ЗРИТЕЛЬ

Советский детский театр — ровесник нашего государства. Его история, развитие неотделимы от процесса развития всего нашего общества, современной педагогической и эстетической мысли.

Сегодня в тюзы пришло много молодых режиссеров, актеров, художников. От того, какими принципами будут они руководствоваться в своей работе, как станут понимать задачи «воспитания прекрасным», зависит будущее детского театра. И потому серьезный разговор о теории и практике драматического искусства для юных, к слову сказать, не заглушающий ни на миг, представляется важным и необходимым. Хочу высказать здесь соображения, которые опираются на личный творческий опыт, на наблюдения за работой многих моих коллег.

Один из самых главных вопросов, которые приходится решать тюзам, — это вопрос о зрителе. Какие они — и малыши, наполняющие зал восторженным гулом, и старшеклассники, серьезные, сосредоточенные, считающие себя уже совсем взрослыми? Чего они ждут от спектакля? Нам необходимо это знать прежде всего затем, чтобы разговор с юными состоялся, а значит, чтобы они хоть в чем-то, хоть немного стали такими, какими мы хотим их видеть.

Думаю, что тюзы должны усилить свое внимание к такой сложной возрастной категории зрителей, как подростки. Интересных, содержательных пьес и спектаклей, способных увлечь их, нам сегодня явно не хватает.

Вспомним тех, кто приходил в тюзы в начале 20-х годов. Для многих юных зрителей тогда само слово «театр» звучало непривычно. И работники детской сцены это понимали. Они шли от простого к сложному, чутко улавливая возможности аудитории. Но в то же время доверяли ей. Уже самый первый спектакль Ленинградского тюза — «Конек-Горбун» — был свидетельством веры в возможность ребенка, в его способность понять условный язык сцены (так, в той постановке танец Ивана и Конька дети должны были принять за головокружительный полет над горами и лесами).

Каждый спектакль рождается в сотворчестве актера и зрителя. Развить в ребенке зрительский талант — одна из важнейших задач тюзов. Мы, например, решили начать приобщение детей к искусству театра с пробуждения в них чувства жанра. Жанр — понятие исключительно сложное, но, не почувствовав жанра произведения, невозможно полноценно воспринять его. И театр обязан говорить с детьми об этом средствами искусства. Так у нас появилась идея создания спектаклей, где драматические артисты вместе с залом играли бы в цирк, балет, оперу, увлекая зрите-

ТЕАТР

ля праздником театра, его богатейшими возможностями. Влюбить детей в сцену, прельстить ею детство, отрочество, юность — это, на мой взгляд, первостепенная задача эстетического воспитания.

Игровые спектакли возникли в результате наблюдений за юными зрителями и изучения особенностей их восприятия. Ведь стихия игры составляет неповторимую и радостную особенность детства. Ребенок без труда переходит из реального мира в мир воображаемый. И если художественный образ убедителен, юный зритель никогда не скажет: «Так в жизни не бывает — это неправда». Он вместе с театром переключится на другие законы существования — законы искусства. Мир, созданный художником, не только будет доступен детям, но и увлечет их куда больше, чем кажущееся правдоподобие.

На вопрос: «Кто ходит в тюзы?» мы отвечаем: «Дети». Но какой же это необычный, разный зритель! Ведь это и те, кому 7—8 лет, кто едва переступил порог школы и приобретает первые навыки жизни в коллективе, и те, кому 18, кто уже школу кончает, кто сам в течение нескольких лет был наставником (скажем, пионервожатым). Об этой последней категории юных зрителей мне хочется сказать особо. Надо всегда иметь в виду, что вчерашний девяти-десятиклассник — это сегодняшний рабочий или студент. Вчерашний восьмиклассник — сегодня учащийся ПТУ, техникума. В четырнадцать лет юноши и девушки вступают в комсомол. В шестнадцать-семнадцать к ним приходит первая любовь. А театры подчас оберегают старшеклассников от серьезных проблем.

Нет, мы не за «всеядность» в репертуаре тюзов, не за вседозволенность в средствах сценического воплощения произведений. Но нельзя относиться к юношеству и с позиций «заботливых» наивных мам,вольно или невольно стремящихся сохранить в детях черты инфантильности. И потому на сцене тюза должны быть произведения Шекспира и Достоевского, Шиллера и Чехова, Горького и Островского...

Немало споров вызывает такая проблема: нужны ли в зрительном зале детских театров взрослые? Может быть, их не стоит пускать туда, чтобы они не отнимали мест у детей? Для «поддержания» кассы они не нужны — зритель и так предостаточно. И тем не менее, на наш взгляд, взрослые должны бывать у нас. Мы, например, проводим немалую работу, приобщая педагогов и родителей к проблемам юношеской сцены. Ведь ребенок, подросток только тогда будет ува-

жать свой театр, доверять ему, если к нему будут относиться с уважением, любовью и доверием взрослые. Если они станут смотреть на тюз не как на забаву для дитяти, а увидят в нем настоящее искусство.

Решение этой проблемы, на наш взгляд, — в создании спектаклей, которые доставляли бы радость и взрослым, и детям. Замечательный педагог, один из основателей советского театра для детей А. А. Брянцев говорил, что игра для детей — это отнюдь не «сокращенная» игра для взрослых, отнюдь не снижающаяся подача «более понятных» для ребенка кусков, отрезанных от недоступного его пониманию настоящего театра. Наоборот, считал он, театр для детей — это расширенный театр для взрослых, более заостренный, усиленный до той степени своего воздействия, чтобы быть привлекательным не только для обычного взрослого зрителя, но и для зрителя более требовательного, зрителя-ребенка, не подчиненного обывательской привычке обязывать себя к принятию того, что уже принято другими. Истинно художественное произведение, адресованное детям, всегда содержит в себе такое богатство содержания, облечено в такую яркую, своеобразную форму, что способно увлечь и взрослых.

Если мы серьезно озабочены проблемами воспитания, то должны думать и о воздействии искусства на наставников — семью и школу. Не случайно в репертуаре тюзов появляются в последнее время постановки, адресованные взрослым, спектакли, в которых рассказывается о детях. Это, например, «Печальный однолюб» в ЦДТ в Москве, «Открытый урок» в нашем театре. На таких спектаклях театр воспитывает воспитателей. И надо сказать, что такая педагогическая направленность подобных постановок находит большой отклик общественности.

Недаром, к примеру, каждый показ «Открытого урока» — это по существу родительское собрание, где речь идет не столько о спектакле, сколько о школе, семье, о солидарности и эстафете поколений. Уверен, что возможны и общегородские педагогические советы в театре, где своими радостями и бедами делились бы после просмотра пьесы учителя.

Сложное дело гражданского и эстетического воспитания подрастающего поколения ждет новых энтузиастов, талантливых художников, не мыслящих своего творчества вне связи с проблемами детства, отрочества, юности. Важно только, чтобы эти проблемы решались на современном уровне развития педагогики и театра.

З. КОРОГОДСКИЙ.

Заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор, главный режиссер Ленинградского тюза.

Трудовой 1977, 26 апреля, 157

55